

Обычно от таких незваных гостей, что прочно обосновываются в чужом доме и ни в какую не желают уходить, хозяева рано или поздно начинают лезть на стену. Жизнь идет наперекосяк: и игнорировать наглеца не получается, и общаться с ним — одна головная боль да зубовный скрежет.

Старая госпожа Ли и подумать не могла, что её четвертый сын действительно наберется наглости повернуть такое. Просто бросил их в пустой избе: дескать, сидите тут хоть до скончания веков, а дома все равно ни души. И для кого теперь разыгрывать этот спектакль?

Старуха разрыдалась от чистого сердца. Она ведь знала: с тех самых пор, как они разделили хозяйство, четвертый совсем отбился от рук. Да еще этот паршивец-внук путается под ногами! Еще в прошлый раз, когда они приходили просить зерна, стало ясно: никчемный сынок совсем перестал быть хозяином в собственном доме, переложив все заботы на плечи десятилетнего мальчишки. Теперь, сколько ни плачь, сколько ни устраивай сцен — им хоть бы хны. С сыном-то всегда было просто: его можно и поколотить, и обругать последними словами, и заставить хребет гнуть на семейном поле. А вот внуку на неё было абсолютно плевать. Уступать он и не думал. И упрёков в непочтительности к старшим ни капли не боялся — ведь если пойти жаловаться соседям, те лишь пальцем у виска покрутят: мол, старая карга с малым дитятей ссорится.

— Матушка, я же говорила! — подала голос младшая тетушка Ли Бо. — Откуда у четвертого брата деньги? Ты погляди, в какой нищете он живет. Из ума выжил, так ничего в жизни и не добившись.

— Да что ты смыслишь! — прикрикнула на неё старуха Ли. — Будто я сама не знаю, как четвертый перебивается. Денег у него, положим, нет, но зерна-то урвать мы должны были! Только-только урожай распределили, а он поет, что закрома пустые. Кому врет, подлец!

Старуха громко, с отвратительным хлюпаньем высморкалась прямо на землю, зажав ноздрю пальцами, и небрежно стряхнула слизь в сторону — едва не попала на подол Ли Бо.

Ли Бо брезгливо отшатнулась в сторону.

— И что теперь делать? — недовольно спросила Ли Бо. — Не тащиться же за ним на стройку? Если хочешь — иди сама, а я позориться не стану.

— Зачем идти? Домой повернем, — буркнула старуха.

Она никак не могла поверить, что из четвертого не удастся выжать ни зернышка. Не то чтобы она была совсем бездушной матерью, но ведь сыновей для того и растят, чтобы к делу приставлять да помыкать ими на старости лет. Остальные её сыновья жили под одной крышей, не деля хозяйства, а потому все доходы стекались в её бездонный карман. Тратить свое кровное старухе было безумно жалко. Дочку она, конечно, баловала, но отдавать ей свои заначки не спешила. Проще было пилить невесток, выуживая у них припрятанные гроши на подарки любимой Ли Бо, или вот так трясти Ли Сы.

Кто же знал, что четвертый окажется настолько бесполезным? Мало того что ютится в полуразвалившейся халупе, так еще и малолетний паршивец умудрился выставить её дурой. Дверь перед самым носом захлопнул, и ведь ничего не поделаешь! Ни крики, ни угрозы удавиться больше не действовали.

Гоудань далеко уходить и не думал. В деревне сейчас было полно детворы всех возрастов, так что компания для игр нашлась мигом. После того как государству сдали обязательную норму зерна и подсчитали рабочие баллы для распределения паев, пришел черед убирать другие культуры — те, что шли на стол крестьянам круглый год. Поля за околицей, еще недавно густые и заросшие, теперь стояли голыми. Земля обнажилась, и куда ни кинь взор, повсюду открывался бескрайний, просторный горизонт.

Пустые поля сразу сделались любимым местом для ребячьих набегов. Здесь всегда можно было отыскать затерявшийся колосок или поймать жирного кузнечика — детское счастье не требует многого, его легко удовлетворить пустяком.

Но больше всего детвору манили высившиеся тут и там стога соломы. Разбежавшись хорошенько издали, мальчишки с разбегу прыгали в самую гущу золотистого месива. Мягкая пшеничная солома пружинила не хуже заморского батута, и расшибиться в ней было невозможно. Ребята кувыркались и бесились до тех пор, пока аккуратные стога не превращались в бесформенные взъерошенные кучи.

Выждав, пока старуха с дочерью точно уберутся восвояси, Гоудань вместе с Ван Сюанем собрали нехитрый узел с едой и отнесли Ли Сы на стройку. Отцу теперь не нужно было возвращаться домой на обед и выслушивать причитания матери; он мог спокойно работать до самых сумерек и вернуться в избу уже потемну.

Время летело незаметно. Вскоре завыл пронзительный северный ветер, и по утрам да вечерам стало ощутимо подмораживать. Только в самый полдень из-за туч лениво выбиралось солнце. Старики вытаскивали во двор низкие колченогие табуреты и усаживались на них греть кости — кто рядком вдоль побеленной стены, кто поодиночке. Позднее осеннее солнце слепило глаза, но почти не грело. Воздух сделался сухим, и у тех, кто пил мало воды, губы мгновенно покрывались болезненными трещинами.

Стоило умыться спозаранку — хоть ледяной колодезной водой, хоть теплой из чайника, — как после полотенца кожу стягивало так, что больно было улыбнуться. Трещины на лице при умывании обжигали резкой болью. На ветру незащищенная кожа быстро портилась. Те из деревенских девушек и молодых людей, у кого водились лишние гроши и кто любил за собой ухаживать, покупали в уезде заветную баночку шанхайского крема «Дружба». После умывания они кончиком пальца зачерпывали самую малость ароматной белой мази и бережно втирали в щеки. Кожа от неё становилась мягкой и пахла просто волшебю.

Такую баночку берегли пуще глаза, мазали только лицо и растягивали удовольствие на всю зиму. Подругам крем давали неохотно, неодобрительно косясь на каждую лишнюю кроху. Те же бедняжки, кому покупка была не по карману, безропотно сносили мучения. Со временем их щеки покрывались жесткой серой коркой, облезавшей лоскутами. Лицо из-за этого выглядело

замаранным, точь-в-точь как у немых беспризорников.

Детвора и вовсе не забивала себе голову подобной ерундой. Ребятишки утирали носы грязными рукавами или тыльной стороной ладони, размазывая сопли по щекам. На холоде всё это засыхало, смешивалось с пылью и превращалось в темные зудящие корки. Без слез на таких бедолаг смотреть было невозможно.

В прежние годы Гоудань зимовал точно так же. Спроси его кто, он без раздумий ответил бы, что люто ненавидит зиму. Еды вечно не хватало, тепла — тоже. По ночам приходилось сворачиваться калачиком и буквально зарываться под мышку к отцу, чтобы хоть как-то согреться под дырявым одеялом. О спокойном сне оставалось только мечтать.

У Ван Сюаня, обладавшего кое-какими познаниями в травах, была возможность приготовить простую мазь из подсобных средств, но возиться с этим каждый раз было недосуг. Поэтому он просто купил в лавке снабженческо-сбытового кооператива две баночки готового крема. Стоило лицу заветриться, как он тут же мазал щеки, и стянутость проходила. Одно плохо — запах у этой штуки был слишком уж приторным. Гоудань поначалу воротил нос, ворча, что не пристало приличному парню пахнуть как городская девица. Однако после того, как северный ветер нещадно иссушил ему губы, Ван Сюань силой намазал его щеки жирным кремом. Только тогда Гоудань притих, оценив, какое это спасение.

Когда по утрам лужи стали затягиваться хрупким ледком, а небо прочно оккупировали серые тучи, на пороге дома показался старый староста деревни. В руках он держал какую-то бумагу.

— Тут из коммуны весточку передали, — тяжело отдуваясь, заговорил старик. — На имя... Гоуданя? Ли Кай — это ведь твое настоящее имя, малец? Ну да, оно самое. Прислали тебе кое-что по почте.

Заметив, как Гоудань согласно кивнул, староста с любопытством прищурился:

— Пишут, прямо из самой Столицы отправили! И посылку обещают знатную, целый тюк. Ты когда это успел столичными знакомствами обзавестись?

Мальчик растерянно захлопал глазами.

— Откуда мне знать... Может, перепутали чего?

— Да как тут перепутаешь? Гляди: уезд наш, коммуна наша, деревня тоже наша указана. Да и Ли Кай у нас во всей округе один-единственный. Однофамильцев-то пруд пруди, а вот с таким именем только ты один бегаешь.

— Может, вскрыем письмо и прочитаем? — негромко предложил Ван Сюань, опасаясь, как бы не вышло путаницы с чужой почтой.

— И то верно. Навряд ли тут ошибка, — кивнул староста.

Он поудобнее перехватил плотный конверт и уже занес палец, чтобы надорвать край, но сперва вопросительно глянул на Гоуданя. Мальчик кивнул, разрешая, и старик ловко вскрыл письмо.

— Так, поглядим... Ага! «Юному товарищу Гоуданю»... Ну точно, тебе писано! — староста с размаху шлепнул себя по бедру. — И чего сразу на конверте не вывели «Гоуданю»? Только людей путают своими сложностями.

Стоило Гоуданю услышать свое прозвище, как он ловким движением выхватил исписанный листок из пальцев старика. Староста даже охнуть не успел, как остался с пустыми руками. Мальчик тут же отскочил к окну, разворачивая бумагу.

Старик лишь покачал головой, в шутку погрозив ему кулаком:

— Ишь какой шустрый! Чуть что — сразу отнял. Ты хоть разберешь, что там написано-то? Давай лучше я вслух прочитаю.

— Сам справлюсь! Раз мне прислали, значит, моё, — буркнул Гоудань, не отрывая взгляда от строчек.

— А если там дело спешное? Так и будешь над ним сопеть?

— Да какие у взрослых могут быть срочные дела к ребенку? К тому же я в Столице отродясь никого не знал.

— А вдруг это твоя матушка... — начал было староста, но осекся. — Хотя нет, тот приезжий, с которым она сбежала, вроде как с юга был, а тут столичный штемпель.

Гоудань сделал вид, будто пропустил упоминание о матери мимо ушей.

— Всё ясно. Спасибо тебе, дедушка староста. Как почта после обеда откроется, сходишь с нами получить посылку?

— Ну и помыкаешь же ты стариками, — беззлобно проворчал староста.

Сам он втайне подозревал, что посылка пришла от родного отца Ван Сюаня — может, у того проснулась совесть и он решил прислать сыну весточку. Ведь семья Ван когда-то жила именно в Столице. Но почему тогда получателем значился Гоудань? Это ставило деда в тупик. Впрочем, староста был человеком честным и чужие тайны уважать умел, в отличие от некоторых деревенских писарей, которые не брезговали вскрывать чужие письма, забирать оттуда вложенные деньги, а то и вовсе выбрасывать конверты в печь. Раз уж малец вырвал

письмо у него из рук, расспрашивать больше не следовало.

Как только за старостой закрылась дверь, мальчишки наспех проглотили обед и с ногами забрались на теплый кан. Улегшись рядышком, они принялись до дыр разглядывать исписанный лист. Хоть безымянный настоятель храма и учил их грамоте, преподавал он в основном старое письмо — сложные иероглифы-идеограммы. Обычные же печатные знаки, которые проходили в начальных классах сельской школы, давались им с трудом. За три года учебы они успели освоить лишь самую малость.

Гоудань в недоумении почесал макушку.

— «Чжу...» — малец ткнул пальцем в заковыристый значок. — Что это за слово? А, «руководитель Чжу шлет привет». Наверное, это от дедушки Чжу! А вот это что за закорючка? Тьфу ты, половины слов разобрать не могу.

Ван Сюань, насупившись, взгляделся в нижнюю часть листа.

— Смотри, тут дата стоит: четырнадцатое октября тысяча девятьсот семьдесят пятого года. А ниже подпись — Чэнь Чжэнго. Это имя я помню! Похоже, тот командир из народного полка написал. Только с какой стати ему слать письма именно тебе?

Когда военные расспрашивали ребят о том, что стряслось в лесной чаще, офицер представился Чэнь Чжэнго. Ван Сюань тогда крепко запомнил это звучное имя.

— Сам ума не приложу, — пожал плечами Гоудань. — Нас ведь целая орава была, а письмо только мне одному пришло. Ну да ладно, после обеда заберем посылку и сами всё увидим.

— Надо бы выписать те знаки, которые мы не знаем, и спросить у учителя в школе, — рассудительно заметил Ван Сюань. — Наворотил же этот военный сложностей, без бутылки не разберешь.

Ли Сы молча прибрал со стола посуду. Услышав, что весточка пришла от армейского командира, он облегченно выдохнул, хотя в глубине души шевельнулась глухая грусть. Слава богу, не мать объявилась. Значит, сыну не придется лишний раз беречь старые раны и вспоминать женщину, которая бросила их и сбежала на чужбину с заезжим спекулянтом.

К полудню вся семья Гоуданя потянулась к уездному отделению связи. Староста важно шествовал впереди, сжимая в кулаке казенную справку с печатью и вскрытый конверт. На почте их встретила строгая женщина средних лет. Придирчиво сверив адрес и имя получателя, она удовлетворенно кивнула и скрылась в подсобке. Спустя минуту она с глухим стуком выкатила в приемный зал два огромных брезентовых мешка.

— Вот, получайте. Всё в целости и сохранности.

— Батюшки, да тут добра-то целая гора! — ахнул староста, оглядывая внушительные узлы.

— В одном мешке теплое ватное одеяло, а в том, что побольше — зимняя одежда, — пояснила почтальонка, указывая пальцем на маркировку. — На брезенте всё чернилами выведено, читайте сами.

И впрямь, на грубой ткани мешков жирным черным лаком было криво начертано содержимое.

У старосты от удивления глаза на лоб полезли. Ватное одеяло и теплая одежда в преддверии зимних холодов ценились на вес золота! Кто же проявил такую невиданную щедрость к сироте при живой матери?

— Ну и ну, Гоудань... — выдохнул старик. — Кого же ты такого умудрился спасти, что тебе царские подарки шлют?

Гоудань не стал терпеть и прямо на деревянной лавке в коридоре развязал тесемки бечевки. Из мешка пахнуло сухим мылом. Одежда внутри оказалась не новой, но на диво чистой и добротной. Все протертые места были аккуратно залатаны ровными стежками, а сами вещи — тщательно выглажены и сложены одна к одной. Судя по размерам, вещи когда-то принадлежали городскому мальчишке.

— Похоже, они подбирали вещи по моему старому росту, — разочарованно пробормотал Гоудань, прикладывая к себе синюю куртку на ватине. Рукава едва доходили ему до запястий. — Я же за осень вымахал! Смотри, Сяо Сюань, тебе вот эта кофта тоже впрыток будет.

Примерив плотный шерстяной свитер на друга, малец лишь недовольно надул губы.

— Дедушка староста, те куртки, что совсем куцые, заberi себе. Пускай Сяо Лэйцзы донашивает, ему в самый раз придутся.

— Вы бы это... дома примерили, — неловко вмешался Ли Сы, переминаясь с ноги на ногу. Проходившие мимо сельчане с любопытством косились на их богатство, и мужчине было не по себе от такого внимания. — Давайте сначала мешки до избы дотащим, а там уже разберемся, кому что отдавать.

<http://bllate.org/book/19654/1996724>